

—

После многих дней тяжёлого труда Фу Мин наконец-то смог вдоволь выспаться. Проснувшись, он обнаружил, что Цзинь И уже нет в постели. Он перевёл взгляд и увидел, что тот переодевается, по-видимому, уже вернувшись с тренировки по фехтованию.

Фу Мин сел. Цзинь И заметил движение, завязал пояс и подошёл к кровати. Он сел на край, взял Фу Мина за руку и спросил: «Тебе нездоровится?»

Фу Мин встретился с ним взглядом, чувствуя лёгкое смущение, но ещё глубже — радость и удовлетворение. Он покачал головой и ответил: «Всё хорошо». Затем спросил: «Который час?»

Цзинь И погладил его растрёпанные волосы и ответил: «Только что прошёл час Чэньши (7-9 утра)». Фу Мин выглянул в окно, и действительно, солнце уже стояло высоко. Он хотел позвать служанок наверх, но Цзинь И остановил его.

«Я помогу тебе умыться», — сказал Цзинь И, отвёл Фу Мина к умывальнику и подал ему воду, отжал полотенце, надел одежду и застегнул ее. Затем он взял расчёску со столика перед зеркалом и осторожно расчесал длинные черные волосы Фу Мина.

Фу Мин посмотрел на сосредоточенное выражение лица Цзинь И в зеркале и вдруг подумал, а так ли он когда-то прислуживал своей покойной жене? Он также не мог не вспомнить предсмертную просьбу покойной госпожи, и ему стало интересно, не беспокоится ли Цзинь И о том, что он не смог выполнить её последнюю волю.

Заметив, что Фу Мин слегка нахмурился, Цзинь И остановил свои действия и спросил: «Больно?»

Фу Мин подавил ненужные мысли и ответил: «Нет, не больно». Затем добавил: «Пусть будет так. Сегодня я не выхожу, лень завязывать волосы и надевать головной убор».

Цзинь И понимал, что, хотя Фу Мин и сказал, что чувствует себя хорошо, ему всё равно было не по себе, и ему действительно не следовало выходить.

Поэтому весь следующий день Фу Мин провёл в комнате, потягивая чай и читая книги, одетый в свободную одежду с распущенными волосами. Цзинь И ненадолго вышел и быстро вернулся, проведя почти весь день рядом с Фу Мином. Чем дольше Фу Мин находился в таком расслабленном состоянии, тем больше Цзинь И не мог отвести от него глаз. В это время пришёл гость, которого Цзинь И не принял, сославшись на то, что Фу Мин прошлой ночью простудился.

Когда Фу Мин поправился, они с Цзинь И прогулялись по горам.

«Наверное, гора Цуйвэй не только летом прекрасна, но и весной здесь должна быть нежная молодая листва и цветущие горные цветы, осенью — багрянец и золото, пролетающие над небом гуси, а зимой — серебристый иней и белый снег, зелёные сосны и бамбук. Жаль, что здесь всегда так красиво, но люди не могут здесь оставаться постоянно», — чем дольше Фу Мин здесь находился, тем больше он любил это место и не хотел его покидать.

Цзинь И наполовину обнял его и сказал: «Хотя на гору Цуйвэй нельзя приезжать постоянно, но есть и другие прекрасные горы. В будущем, если у меня будет свободное время, я поеду с тобой

в другие места, чтобы насладиться четырьмя временами года в горах».

Фу Мин, услышав это, улыбнулся и сказал: «Я это запомнил. И вы тоже запомните, вы должны мне молодую листву, вы должны мне красные листья, вы должны мне белый снег».

Цзинь И тоже рассмеялся: «Обязательно верну тебе всё по очереди».

Хотя время, проведённое вдвоём, было прекрасным, на этот раз они всё же сопровождали Третьего Принца, и если он приглашал, то отказывать было нельзя.

Хотя Третий Принц не был любителем пиршеств, он много времени проводил в горах, поэтому каждые несколько дней приглашал всех на встречи, будь то игры со стихами у ручья или слушание музыки и просмотр спектаклей.

Игры со стихами у ручья в древности изначально были обрядом изгнания бедствий и мольбы о благословении, но со временем они превратились в элегантные собрания литераторов, где они декламировали стихи и пили вино. Несколько дней назад во дворце проводились соревнования по стрельбе из лука, где отличились воины. На этот раз пришло время учёных мужей показать свои таланты. Хотя Фу Мин когда-то был известен своим поэтическим даром, на этот раз он выступил посредственно.

После банкета Цзинь И спросил Фу Мина: «Тебе всё ещё нездоровится? В следующий раз тебе не нужно приходить на такие литературные собрания, я сам объясню Третьему Принцу, и он не будет винить тебя».

Фу Мин улыбнулся: «Не волнуйся, мне нездоровится. То, что я сегодня так небрежно отвечал, не из-за моего самочувствия».

Цзинь И был озадачен: «Тогда почему?» Затем он, казалось, понял причину и посмотрел на Фу Мина.

Фу Мин кивнул: «Мы с тобой уже достаточно отличились, избыток вреден».

«Значит, ты скрываешь свои таланты?» — сказал Цзинь И. «Если так, то и на охоте послезавтра мне следует уменьшить свою добычу».

«Охота?» — Фу Мин рассмеялся. «Думаю, на этот раз тебе не придётся скрывать свои таланты».

«Почему?»

Фу Мин лишь ответил: «Господин, подождите и увидите».

Прошёл всего день, и Цзинь И получил сообщение от слуги Третьего Принца: охота отменяется.

Цзинь И спросил Фу Мина: «Ты вчера уже знал, что охота не состоится?»

Фу Мин кивнул.

«Как ты это узнал?»

Фу Мин сказал: «Вы как-то говорили мне, почему ваш друг Ань Цзинчжи получил повышение».

«Цзинчжи хорошо умеет увещевать, и его советы и предложения часто принимались двором, поэтому император оценил его и повысил».

«Раз так, то на этот раз, я думаю, он также посоветует князю Синь отказаться от охоты».

Цзинь И немного подумал и тоже понял: «Летом всё растёт, и действительно не время убивать живых существ».

Фу Мин сказал: «Когда подданные добродетельны, а принцы просвещены, эта история, вернувшись в столицу, снова станет прекрасным рассказом». Фу Мин даже подозревал, что это дело, возможно, с самого начала было спектаклем, но он этого не сказал.

Пока Фу Мин молчал, Цзинь И вдруг положил ему руки на плечи. Он обернулся к стоящему позади него человеку, уголки его губ были приподняты в улыбке.

Цзинь И обнял его и сказал: «Такой человек, как ты, выйти замуж за меня — это слишком большая потеря».

Он был полон стихов и книг, и если бы он пошёл сдавать экзамены, то непременно стал бы цзиньши (высшая учёная степень). Он разбирался в принципах и умел оценивать ситуацию, в чиновничьем мире он чувствовал бы себя как рыба в воде, продвигаясь по службе. А теперь он просто стал невесткой семьи Цзинь, без титулов и без будущего. Цзинь И ценил таланты и ещё больше переживал за того, кто был в его объятиях.

Фу Мин же рассмеялся: «Вам не стоит говорить так. Ласточки и рыбы могут быть близки друг к другу, а грязь и мох имеют свои собственные причины. Это истина, которой мой отец научил меня давным-давно. В детстве, когда он указывал на опавшие цветы во дворе и говорил мне это, я ещё не мог понять, но позже постепенно осознал. Моя кормилица сказала мне, что мой отец часто говорил, что ты не можешь решать, куда приведет тебя судьба, но ты можешь устроить себя сам». Фу Мин повернулся, обнял Цзинь И в ответ, поднял голову и спросил: «Ваши плечи широки, а грудь объёмна, сможете ли вы принять меня на всю жизнь?»

В сердце Цзинь И бушевало небывалое волнение, невиданные ранее чувства бурлили и сотрясали его грудь, причиняя ему боль, но в то же время наполняя его чувством героической решимости. В горле что-то застряло, и он ответил: «Конечно, смогу». Эти два слова, однако, весили, как тысяча цзиней, и были самым непоколебимым решением в его жизни, помимо того, что он преклонял колени в храме предков, чтобы выразить свои грандиозные амбиции.

Дни в горах пролетели как ветер, быстро и незаметно. Ещё через несколько дней они должны были отправиться обратно в столицу.

Фу Мин со смехом сказал: «Мы оставили бабушку, Янь-эра и остальных на несколько десятков дней, чтобы приехать сюда. Если мы не привезём им подарков, боюсь, нас не пустят домой».

Цзинь И сказал: «На этой горе Цуйвэй нет рынков, где же купить подарки?»

«У меня уже есть идея на этот счёт, господин, посмотрите, как вам это?» — Фу Мин подробно изложил свой план:

«Здесь же есть храм Люли? Бабушка молится Будде, так что мы пойдём и попросим для неё чётки. В горах много ароматных трав и цветов, господин, сопроводите меня, чтобы собрать их, высушить и сделать ароматные саше, которые можно подарить сестрице Жэньлань и Синьюэ. А что касается Янь-эра, то то огромное дерево, которое было вчера разбито молнией, господин,

попросите у Третьего Принца одну ветку, и мы сделаем для Янь-эра деревянный меч. Янь-эр тоже может начать заниматься боевыми искусствами. Хотя всё это не драгоценные вещи, но они могут выразить наши чувства».

Цзинь И с радостью согласился и со смехом сказал: «Очень хорошо, ты так внимателен».

Спеша до отъезда, они вдвоём занялись делами: молились Будде, просили чётки, делали саше и вырезали мечи, проводя последние несколько дней в буйной зелени и пении птиц горы Цуйвэй.

В карете на обратном пути Фу Мин пересматривал и редактировал свою ранее составленную мелодию «Парчовое одеяние из перьев», попутно спрашивая Цзинь И: «Князь Синь в этот раз уехал на лето, чтобы избежать подозрений?»

Независимо от того, о чём спрашивал Фу Мин, Цзинь И не выражал удивления и спокойно отвечал: «Именно так. В прошлом году наследный принц отвечал за помощь пострадавшим от стихийных бедствий в Таньчжоу, и, должно быть, там было много упущений. Кроме того, местные чиновники, чтобы угодить наследному принцу, заставляли людей строить для него храмы в честь его заслуг, что затронуло запреты императора. На этот раз наследный принц пожнёт горькие плоды».

«Если это было только для того, чтобы избежать подозрений, князю Синь не нужно было так сильно заморачиваться, увозя с собой столько людей на столь долгое время. В этом деле есть ещё что-то скрытое?»

«Мм, должно быть, так», — сказал Цзинь И. «Император становится всё более подозрительным, и действия Третьего Принца на этот раз, возможно, являются его откровенностью перед императором, а также отступлением ради продвижения».

«Но эта откровенность имеет свои оговорки, у князя Синь гораздо больше людей, чем эти», — уверенно сказал Фу Мин.

Цзинь И кивнул, его тон слегка понизился: «Я тоже так считаю, но мне трудно полностью разобраться в политической ситуации при дворе».

Фу Мин отложил ноты, положил руку на руку Цзинь И и с улыбкой сказал: «Господин — выдающийся военачальник, и нежелание участвовать в придворных интригах — это благородство воина. Ваша область — это бескрайние поля битв».

Цзинь И, услышав это, тоже рассмеялся: «Однажды я отвезу тебя на северную границу. В детстве я ездил туда с дедом один раз, там бескрайние просторы, и скакать верхом там невероятно приятно».

«Хорошо», — Фу Мин поднял брови. «До этого я обязательно хорошо научусь верховой езде».

—

Примечание автора:

«Ласточки и рыбы могут быть близки друг к другу, а грязь и мох имеют свои собственные причины» взято из стихотворения об опавших цветах, написанного Чэнь Баочэнем в наше время. Мне очень нравится это стихотворение, и поскольку эта история вымышленная, я процитировала ее в частном порядке~

—

<http://bllate.org/book/12585/1118426>